

**ПРИОРИТЕТНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ IX.86.
ИССЛЕДОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ
И ЕЕ МЕСТА В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРНОМ ПРОЦЕССЕ**

Программа IX.86.1. Кочевые, земледельческие и индустриальные цивилизации Северной, Восточной и Центральной Азии: традиции и преемственность в современных взаимодействиях (координатор член-корр. РАН Б. В. Базаров)

В Институте монголоведения, буддологии и тибетологии выявлены стратегии расширения влияния и взаимодействия основных конфессий в странах Северной, Центральной и Восточной Азии. Показано, что все формы буддизма используют стратегии «социализации» и «политизации», включение в социально значимые движения и проекты и создание общественных организаций религиозной направленности, расширение и укрепление межконфессионального диалога, поддерживаемого на правительственном уровне. При этом для традиционного монастырского буддизма характерно стремление к минимизации внешних связей и укрепление этнической компоненты, а для нетрадиционных форм буддизма и так называемого западного буддизма — широкое использование технологий «социальных сетей».

Для шаманизма, возрождающегося в Монголии, Бурятии, Туве, характерно стремление укрепить влияние на культурную жизнь в сельских районах и в среде городской интеллигенции. Отмечается возникновение и распространение феномена «мультиидентичности», особенно среди интеллектуалов. Разработаны прогнозные сценарии развития межконфессиональных отношений и их влияния на геополитическую ситуацию в Центральной Азии и России. В частности, обосновано прогнозное предположение о том, что развитие религиозных сетевых структур может оказать негативное влияние на функционирование традиционных иерархических религиозных структур, ослабляя их влияние на общество и отчасти «размывая» традиционную культуру, поддерживаемую этими иерархиями.

Рис. 11. Элементы декора на воротах как показатель взаимовлияния культурных традиций монголов и тунгусо-маньчжуров.

В том же Институте впервые проведен углубленный анализ этнической специфики многих аспектов традиционной культуры дауров, включая традиционное жилище, хозяйство, систему родства и семейно-брачные отношения, традиционные праздники и игры с привлечением лингвистических материалов. Полученные данные во многом подтверждают общепринятую гипотезу происхождения дауров от киданьско-шивэйского круга племен; кроме того, отчетливо прослеживается протекавший в Приамурье в XIII—XIV вв. сложный процесс этногенетической миксации монгольязычного и маньчжурязычного населения. Сравнительный анализ даурских родовых названий с эт-

нонимами монгольских и тунгусо-маньчжурских народов позволил сделать вывод о несомненной близости ряда даурских этнонимов к маньчжурским. В результате заимствования в настоящее время язык монгольязычных племен превалирует над языком аборигенного, преимущественно тунгусо-маньчжурского населения. Полученные результаты выявили большое сходство обряда почитания обо с общемонгольским; деталей жилища, названий бытовой утвари и различных земледельческих орудий труда, элементов декора с маньчжурским (рис. 11).